

ФОН ГАННОВЕРСКАЯ против ГЕРМАНИИ (Von Hannover v. Germany)

24 Июня 2004

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Третья секция

Дело ПРИНЦЕССА ГАННОВЕРСКАЯ против ГЕРМАНИИ

(Жалоба № 59320/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

24 июня 2004 г.

Данное постановление становится окончательным при обстоятельствах, изложенных в п.2 статьи 44 Конвенции. Оно может подвергаться редакционной правке.

В деле «Принцесса Ганноверская против Германии»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая в виде Палаты, составленной из следующих членов:

г-н И. Кабрал Баррето, Председатель,

г-н Г. Ресс,

г-н Л. Кафлиш,

г-н Р. Тюрмен,

г-н Б. Зупанчич,

г-н Й. Хедиган,

г-н К. Трайя, Судьи,

и г-н В. Бергер, Секретарь Секции,

Проведя 6 ноября 2003 г. и 3 июня 2004 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее решение, которое было принято 3 июня 2004 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 59320/00) против Федеративной Республики Германия, поданной 6 июня 2000 г. принцессой Каролиной Ганноверской, гражданкой Монако («заявительницей»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции»).

2. Заявительница утверждала, что решения германских судов по ее делу нарушили ее право на уважение ее частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции.

3. Жалоба была передана в ведение Четвертой Секции Суда (п. 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции в соответствии с п. 1 правила 26 Регламента Суда была образована Палата для рассмотрения данного дела (п. 1 статьи 27 Конвенции).

4. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав своих Секций (п. 1 правила 25 Регламента Суда). Данное дело было передано в ведение новообразованной Третьей Секции (п. 1 правила 52 Регламента Суда).

5. Решением от 8 июля 2003 г. Палата объявила жалобу приемлемой.

6. Заявительница и Правительство представили свои объяснения по существу дела (п. 1 правила 59 Регламента Суда). В дополнение к этому, были получены замечания от Союза немецких издателей журналов (Verband deutscher Zeitschriftenverleger) и от компании «Бурда-Медиа» (Hubert Burda Media GmbH & Co.KG), которым Председатель разрешил представить свои письменные замечания (п. 2 статьи 36 Конвенции и п. 2 правила 44 Регламента Суда). Заявительница представила ответ на эти замечания (п. 5 правила 44 Регламента Суда).

7. Слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 6 ноября 2003 г. (п. 3 правила 59 Регламента Суда).

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н К. Штольтенберг, министральдиргент, Представитель,

г-н А. Оли, профессор гражданского права в Университете г. Байройт, Адвокат,

г-жа А. Лайтенбергер, помощник Представителя, Советник;

(b) со стороны заявительницы

г-н М. Принц, юрист, Адвокат,

г-н С. Моффат, юрист,

г-н А. Тукас, юрист, Советники.

Суд заслушал выступления г-на Принца и г-на Оли.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

I. Обстоятельства дела

8. Заявительница, старшая дочь принца Монакского Ренье III, родилась в 1957 г. Официальное ее местожительство — Монако, однако проживает она большей частью в районе парижского мегаполиса.

В качестве члена семьи принца Ренье, заявительница является председателем ряда гуманитарных и культурных организаций, таких как Фонд принцессы Грейс и Фонд принца Пьера Монакского, а также представляет королевскую семью на таких событиях, как бал Красного Креста и открытие Международного циркового фестиваля. Однако она не выполняет никаких функций ни в самом государстве Монако или каком-либо из его учреждений, ни по их поручению.

А. Основные факты

9. С начала 1990-х гг. заявительница пыталась — часто в судебном порядке — запретить в ряде европейских стран публикацию «желтой прессой» фотографий о ее личной жизни.

10. Фотографии, ставшие предметом описываемого далее разбирательства, были опубликованы издательством «Бурда» (Burda) в немецких журналах «Бунте» (Bunte) и «Фрайцайт-ревию» (Freizeit Revue), а также издательством «Бауэр» (Heinrich Bauer) в немецком журнале «Нойе пост» (Neue Post).

1. Первый цикл фотографий

(а) Пять фотографий заявительницы, опубликованных в журнале Freizeit Revue (№ 30 от 22 июля 1993 г.)

11. На этих фотографиях она снята с актером Винсентом Линдоном в укромном уголке дворика ресторана в Сен-Реми-де-Прованс. На первой странице журнала говорится о «нежнейших снимках ее романа с Винсентом» («die zartlichsten Fotos Ihrer Romanze mit Vincent»), а под самими фотографиями помещена следующая подпись: «данные фотографии — свидетельство нежнейшего романа нашего времени» («diese Fotos sind der Beweis für die zartlichste Romanze unserer Zeit»).

(b) Две фотографии заявительницы, опубликованные в журнале Bunte (№32 от 5 августа 1993 г.)

12. На первой фотографии она изображена верхом на лошади. Надпись к фотографии гласит: «Каролина и грусть. По словам писателя Ройга, жизнь ее — роман, полный бесчисленных неудач» («Caroline und die Melancholie. Ihr Leben ist ein Roman mit unzähligen Unglücken, sagt Autor Roig»).

На второй фотографии она предстает со своими детьми Петером и Андреа.

Снимки являются составной частью статьи, озаглавленной «Не думаю, что я могу стать идеальной женой для своего мужа» («ich glaube nicht, dass ich die ideale Frau für einen Mann sein kann»).

(c) Семь фотографий заявительницы, опубликованные в журнале Bunte (№34 от 19 августа 1993 г.)

13. На первом снимке она плывет на каноэ вместе со своей дочерью Шарлоттой, на втором сфотографирован ее сын Андреа с букетом цветов в руках.

На третьей фотографии она запечатлена при посещении магазина, с сумкой на плече; на четвертой — с Винсентом Линдоном в ресторане, и на пятой — одна на велосипеде.

На шестой фотографии она снята с Винсентом Линдоном и своим сыном Пьером.

На седьмой фотографии она в сопровождении телохранителя делает покупки на рынке.

Статья озаглавлена «Простое счастье» («vom einfachen Gluck»).

2. Второй цикл фотографий

(а) Десять фотографий заявительницы, опубликованных в журнале Bunte (№10 от 27 февраля 1997 г.)

14. На данных снимках заявительница сфотографирована во время отдыха на горнолыжной базе в Цюрихе-Арлберге. Сопроводительная статья озаглавлена «Каролина... женщина возвращается к жизни» («Caroline...eine Frau kehrt ins Leben zuruck»).

(b) Одиннадцать фотографий заявительницы, опубликованные в журнале Bunte (№ 12 от 13 марта 1997 г.)

15. На семи фотографиях она предстает с принцем Эрнстом-Августом Ганноверским на конноспортивном празднике в Сен-Реми-де-Прованс. Сопроводительная статья озаглавлена «Поцелуй, или Они больше не скрываются» («Der Kuss. Oder: jetzt verstecken sie sich nicht mehr»).

На четырех других фотографиях показано, как она покидает свой дом в Париже. Сопроводительная подпись гласит: «По пути в Париж с принцессой Каролиной» («Mit Prinzessin Caroline unterwegs in Paris»).

(c) Семь фотографий заявительницы, опубликованные в журнале Bunte (№16 от 10 апреля 1997 г.)

16. На первой странице журнала напечатана фотография заявительницы с принцем Эрнстом-Августом Ганноверским, а на фотографиях внутри самого журнала изображено, как она играет с ним в теннис, и как оба они слезают с велосипедов.

3. Третий цикл фотографий

17. На серии фотографий, опубликованных в журнале *Neue Post* (в №35/97), запечатлено, как будучи в пляжном клубе Монте-Карло, одетая в купальник и закутанная в полотенце заявительница спотыкается о препятствие и падает на землю. Рядом с этими довольно-таки расплывчатыми фотографиями помещена статья, озаглавленная «Принц Эрнст-Август бахвалится, а принцесса Каролина падает лицом в грязь» («Prinz Ernst August haute auf den Putz und Prinzessin Caroline fiel auf die Nase»).

В. Разбирательство дела в германских судах

1. Первый этап судебного разбирательства

(а) Решение Земельного суда Гамбурга от 4 февраля 1993 г.

18. 13 августа 1993 г. заявительница обратилась в Земельный суд Гамбурга (*Landgericht*) с ходатайством о наложении на издательство *Burdac* судебного запрета на дальнейшую публикацию первого цикла фотографий, на том основании, что они нарушают ее право на защиту прав личности (*Personlichkeitsrecht*), гарантированное статьями 2(1) и 1(1) Основного закона (*Grundgesetz*) Германии, и ее право на защиту своей частной жизни и контроль за использованием собственного изображения, гарантированное статьей 22 и последующими статьями Закона об авторском праве (*Kunsturhebergesetz* — см. пункты 43-44 ниже).

19. В решении от 4 февраля 1993 Земельный суд удовлетворил просьбу только в отношении распространения журналов во Франции, в соответствии с нормами международного частного права (статья 38 Вводного закона к Гражданскому кодексу — *Einführungsgesetz in das bürgerliche Gesetzbuch*) в сочетании со статьей 9 Гражданского кодекса Франции.

Однако в том, что касается распространения журналов в Германии, Земельный суд повторил, что руководствоваться в этом случае необходимо положениями германского законодательства. А согласно статье 23(1) № 1 Закона об авторском праве, заявительница как знаменитость (*eine «absolute» Person der Zeitgeschichte*), обязана терпимо относиться к такого рода публикациям.

Земельный суд решил, что она не представила доказательств правомерного интереса (*berechtigtes Interesse*), которые могли бы служить основанием для наложения судебного запрета, поскольку там, где дело касается знаменитостей, право на защиту частной жизни перестает действовать за

порогом их жилища. Все фотографии заявительницы были сделаны исключительно в общественных местах.

(b) Решение Апелляционного суда Гамбурга от 8 декабря 1994 г.

20. Заявительница обжаловала это решение.

21. В решении от 8 декабря 1994 г. Апелляционный суд Гамбурга (Oberlandesgericht) отклонил апелляцию заявительницы и отменил судебный запрет на последующую публикацию фотографий во Франции.

Как и Земельный суд, Апелляционный суд пришел к заключению, что заявительница является знаменитостью, а потому должна терпимо относиться к публикации без ее согласия рассматриваемых фотографий, которые все были сняты в общественных местах. Даже если постоянное преследование со стороны фотографов и затрудняло ей повседневную жизнь, оно проистекало из правомерного желания информировать общественность.

(c) Решение Верховного федерального суда от 19 декабря 1995 г.

22. Заявительница обжаловала это решение по вопросам права.

23. В решении от 19 декабря 1995 г. Верховный федеральный суд (Bundesgerichtshof) частично удовлетворил апелляцию заявительницы, наложив судебный запрет на дальнейшую публикацию фотографий, появившихся в журнале *Freizeit Revue* (№ 30 за 22 июля 1993 г.), где она запечатлена с Винсентом Линдоном во дворике ресторана, на том основании, что эти фотографии нарушают право заявительницы на уважение ее частной жизни.

Верховный федеральный суд указал, что даже знаменитости имеют право на уважение их частной жизни, и что право это не ограничивается рамками их жилища, но распространяется и на публикацию фотографий. За порогом своего жилища, однако, они не вправе рассчитывать на защиту неприкосновенности своей личной жизни, если только при этом они не удалятся в уединенное место — прочь от взоров публики (*in eine ortliche Abgeschlossenheit*) — когда всем становится абсолютно ясно, что они желают побыть наедине и, будучи уверенными в отсутствии любопытствующих взоров, ведут себя в данной ситуации так, как никогда не стали бы вести себя в общественном месте. Поэтому незаконным вмешательством в личную жизнь является публикация фотографий уединившихся в таком месте людей, если фотографии были сделаны тайно либо уединившиеся люди были застигнуты врасплох. Так обстояло дело и в рассматриваемом случае, где заявительница вместе со своим кавалером удалилась в укромный угол дворика ресторана с явно выраженным намерением удалиться от взоров публики.

В то же время, Верховный федеральный суд отклонил остальные пункты апелляции, на том основании, что будучи знаменитостью, заявительница должна терпимо относиться к публикации фотографий, на которых она запечатлена в общественном месте, даже если на них изображены сцены из ее повседневной жизни, а не то, как она исполняет свои официальные функции. Общественность вправе интересоваться, где остановилась заявительница и как она ведет себя на публике.

(d) Решение Федерального конституционного суда от 15 декабря 1999 г.

24. Вслед за этим заявительница подала апелляцию в Федеральный конституционный суд (Bundesverfassungsgericht). В ней она утверждала, что имело место нарушение ее права на защиту прав личности (статья 2(1) в сочетании со статьей 1(1) Основного закона).

По мнению заявительницы, установленные Верховным федеральным судом критерии, касающиеся защиты неприкосновенности личной жизни в отношении фотографий, снятых в общественных местах, не обеспечивают действенной защиты свободного развития личности, будь то в рамках частной или семейной жизни. Эти критерии настолько узки, что на практике можно фотографировать заявительницу в любое время вне ее жилища и затем публиковать эти фотографии в СМИ.

Принимая во внимание, что фотографии действительно были использованы не в целях информирования людей, а исключительно в целях их развлечения, право на контроль за собственным изображением в отношении сцен из частной жизни, признанное прецедентным правом Федерального конституционного суда, берет в данном случае верх над также гарантированным Основным законом правом на свободу печати.

25. В вынесенном по итогам слушаний поворотном решении от 15 декабря 1999 г. Конституционный суд частично удовлетворил апелляцию заявительницы, на том основании, что три фотографии, напечатанные в 32-м и 34-м номерах журнала Bunte, датированных 5 августа 1993 г. и 19 августа 1993 г., где заявительница была запечатлена со своими детьми, нарушили ее право на защиту прав личности, гарантированное статьями 2(1) и 1(1) Основного закона, подкрепленное ее правом на защиту семьи по статье 6 Основного закона. По этому пункту он передал дело в Верховный федеральный суд. Однако Конституционный суд отклонил пункты апелляции заявительницы, касающиеся других фотографий.

В соответствующем месте судебного решения говорится:

«Апелляция частично обоснована.

<...>II.

Обжалуемые решения не полностью удовлетворяют требованиям статьи 2(1) Основного закона, рассматриваемой в сочетании со статьей 1(1).

1. В то же время, положения статей 22 и 23 Закона об авторском праве на произведения изобразительного искусства и фотографии (Kunsturhebergesetz— в дальнейшем «ЗоАП»), на которых гражданские суды основывали свои решения, полностью соответствуют Основному закону.

Согласно статье 2(1) Основного закона, общие права личности гарантируются только в рамках конституционных норм. Изложенные в статьях 22 и 23 ЗоАП положения относительно публикации фотографических изображений лиц являются частью конституционных норм. Они проистекают из инцидента, вызвавшего в свое время большой скандал (фотографии Бисмарка на смертном одре...), и из политико-правовой дискуссии, разгоревшейся вслед за этим инцидентом... и стремятся установить справедливый баланс между уважением к правам личности и интересом общественности в получении информации...

Согласно первому предложению статьи 22 ЗоАП, изображения могут распространяться или выставляться на публичное обозрение только с явного согласия изображенного лица. Изображения из сферы современного общества исключаются из этого правила согласно статье 23(1) ЗоАП... Однако в соответствии со статьей 23(2) ЗоАП, данное исключение не распространяется на случаи, когда распространение изображения вступает в противоречие с правомерным интересом изображенного лица. Ступенчатая система защиты по этим правилам обеспечивает учет как интересов защиты изображенного лица, так и желания общественности получать информацию вкупе с интересом средств массовой информации в удовлетворении этого желания. Всё это уже было установлено Федеральным конституционным судом...

<...>

(b) В настоящем деле при толковании и применении статей 22 и 23 ЗоАП следует учитывать не только основные права личности, но и свободу печати, гарантированную вторым предложением статьи 5(1) Основного закона, поскольку положения, о которых идет речь, затрагивают и эти свободы.

<...>

То обстоятельство, что пресса выполняет задачу формирования общественного мнения, не исключает развлекательные СМИ из системы функциональных гарантий Основного закона.

Формирование мнений и развлечение публики отнюдь не являются противоположностями. Развлекательные материалы также играют определенную роль в формировании мнений. Иногда они влияют и воздействуют на формирование мнений даже в большей степени, чем чисто фактические материалы. Более того, в СМИ прослеживается четко выраженная тенденция прекратить деление материалов на информационные и развлекательные, как в отношении освещения событий в целом, так и в отношении отдельных репортажей, и распространять информационные материалы в развлекательной форме, либо объединяя их с развлекательными материалами («синтез информационных и развлекательных материалов»). Соответственно, многие читатели получают информацию, которую они считают важной или интересной, из материалов развлекательных изданий...

Нельзя не признавать и того, что свою роль в формировании мнений играют и чисто развлекательные материалы. Противное было бы ни чем иным, как односторонним и однобоким суждением, будто развлекательные материалы служат единственно удовлетворению желания веселиться, расслабляться и уходить от реальности. Развлекательные материалы также могут отражать действительность и стимулировать обсуждение вопросов, касающихся философии жизни, жизненных ценностей и моделей поведения. В этой связи они выполняет важные социальные функции... Будучи сопоставлены с целью защиты свободы печати, развлекательные материалы в прессе не могут быть названы ни незначительными, ни совершенно бесполезными, и посему они подпадают под сферу применения фундаментальных прав...

То же самое верно и в отношении информации о людях. Метод персонификации — важное журналистское средство привлечения внимания к тому или иному вопросу. Очень часто именно персонификация вызывает у общественности интерес к проблеме и стимулирует у людей желание получить фактическую информацию. Аналогичным образом, интерес к конкретному событию или ситуации обычно вызывается сообщениями о конкретных людях. Кроме того, знаменитости олицетворяют определенные моральные ценности и стили жизни. Многие люди основывают выбор своего стиля жизни исходя из их примера. Знаменитости становятся точками кристаллизации для принятия или отторжения и служат в качестве примеров и контр-примеров. Это-то и объясняет общественный интерес ко всем перипетиям их жизни.

Что же касается политических деятелей, то общественный интерес к ним всегда считался правомерным с точки зрения прозрачности и контроля в демократическом обществе. В принципе, не подлежит сомнению и то, что он существует и по отношению к другим публичным фигурам. Поэтому одной из функций прессы является показ людей в ситуациях, не ограничивающихся случаями исполнения ими определенных функций или участия в определенных событиях, что тоже подпадает под сферу защиты свободы печати. И лишь тогда, когда речь заходит об уравнивании соперничающих прав личности, на первый план встает вопрос о том, имеем ли мы дело с серьезным рассмотрением вопросов, представляющих существенный интерес для общественности, или же с распространением, исключительно на потребу любопытства публики, сведений частного характера...

(с) Решение Верховного федерального суда в значительной степени проходит тест на совместимость его с конституционными нормами.

(aa) Верховный федеральный суд нельзя критиковать по конституционному праву за оценку условий применения (Tatbestandsvoraussetzungen) статьи 23(1) № 1 ЗоАП в соответствии с критерием общественного интереса в получении информации, и за принятие им на этой основе решения о законности фотографий, на которых заявительница предстает не при исполнении ею своих представительских функций в княжестве Монако.

Согласно статье 23(1) № 1 ЗоАП, публикация снимков, изображающих какой-либо аспект современного общества, освобождена от обязательства получать согласие соответствующего лица в смысле статьи 22 ЗоАП. Судя по истории принятия этого закона... и по смыслу и цели употребленных в нем выражений, положение, о котором идет речь, принимает в расчет общественный интерес в получении информации и свободу печати. Соответственно, при толковании этого элемента (Tatbestandsmerkmal) необходимо учитывать интересы общественности. Изображения людей, не занимающих важного положения в современном обществе, не должны делаться общедоступными: для их публикации нужно получить предварительное согласие соответствующего лица. Другой элемент, затрагиваемый фундаментальными правами, а именно «правомерный интерес» в целях статьи 23(2) ЗоАП, касается — и это необходимо подчеркнуть в самом начале — только деятелей современного общества, и потому он не может в должной мере учитывать интересов свободы печати, если ранее те не были приняты во внимание при определении круга заинтересованных лиц.

Исходя как раз из соображений значимости и пределов свободы печати, но без чрезмерного ограничения защиты прав личности, указанное в статье 23(1) № 1 ЗоАП понятие современного общества должно не просто охватывать, в соответствии с данными судами определением, события исторического или политического значения, но и быть определенным на основе общественного интереса в получении информации... Суть свободы печати и свободного формирования мнений немислима без того, чтобы прессе была предоставлена значительная свобода маневров, которая позволяла бы ей определять, в соответствии с критериями публикации материалов, требования общественного интереса, а в процессе формирования мнения устанавливалось бы, что именно составляет общественный интерес. Как уже указывалось, развлекательные материалы не являются исключением из этих принципов.

Нельзя критиковать Верховный федеральный суд и за включение в «сферу современного общества», в смысле статьи 23(1) № 1 ЗоАП, изображений людей, которые не только вызвали общественный интерес в определенный момент времени по случаю конкретного исторического события, но которые, вследствие своего положения и влияния, привлекают внимание общественности в общем, а не только от случая к случаю. В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что, по сравнению с обстановкой на момент принятия Закона об авторском праве, в наши дни все большее значение приобретает иллюстрированная информация. Концепция «знаменитости» (absolute Person der Zeitgeschichte), часто используемая в этой связи в прецедентном праве и теории права, не вытекает непосредственно из законодательных актов или Конституции. Если, как это было сделано Апелляционным судом и Верховным федеральным судом, понимать под ней сокращенное выражение, обозначающее людей, чье изображение считается общественностью заслуживающим уважения из почтения к этим людям, то она безукоризненна с точки зрения конституционного права, по крайней мере до тех пор, пока осуществляется процедура уравнивания, в свете обстоятельств дела, общественного интереса в получении информации с законными интересами соответствующего лица.

Из общих прав личности отнюдь не следует, что публиковать изображения деятелей современного общества без предварительного согласия можно лишь при исполнении ими своих общественных функций. Очень часто общественный интерес к таким деятелям не связан исключительно с исполнением ими своих обязанностей в строгом смысле этого понятия. Напротив, в силу конкретных функций и их воздействия, он может распространяться и на информацию о том, как эти деятели обычно ведут себя на публике — то есть, и за рамками своих обязанностей. Общественность имеет правомерный интерес в том, чтобы ей позволили судить, в достаточной ли степени личное поведение этих людей, которые часто играют роль идолов или моделей для подражания, согласуется с их поведением на официальных мероприятиях.

Если же, с другой стороны, право на публикацию изображений людей, признаваемых знаменитостями, было бы ограничено случаями исполнения ими своих официальных функций, то при этом не был бы в должной мере учтен общественный интерес к таким лицам, и, более того, это могло бы способствовать выборочному их представлению, что лишило бы общественность возможности выносить суждение в отношении общественно-политических фигур, учитывая роль таких лиц как примеров для подражания и оказываемое ими влияние. Прессе, однако, дозволено использовать отнюдь не любые изображения знаменитостей. Напротив, статья 23(2) ЗоАП дает судам достаточно возможностей для применения защитных положений статьи 2(1) Основного закона, рассматриваемой в сочетании со статьей 1(1)...

(bb) Теоретически, критерии, установленные Верховным федеральным судом для толкования используемого в статье 23(2) ЗоАП понятия «правомерного интереса», безукоризненны с точки зрения конституционного права.

В соответствии с обжалуемым решением, защита неприкосновенности личной жизни, которая должна быть предоставлена и знаменитостям, предполагает, что они удалились в уединенное место с вполне ясной целью побыть наедине, и, будучи уверенными в отсутствии посторонних глаз, ведут себя иначе, чем стали бы вести себя на публике. Верховный федеральный суд признал, что, если фотографии людей в таких местах сделаны тайно или они были застигнуты врасплох, то имеет место нарушение статей 22 и 23 ЗоАП.

Критерий уединенности места учитывает цель, преследуемую общим правом на защиту прав личности, а именно предоставление частному лицу, в том числе за порогом его жилища, сферы, где оно не ощущало бы себя предметом постоянного внимания со стороны публики, могло расслабиться и насладиться тишиной и покоем, будучи освобождено от обязанности вести себя соответствующим образом. Данный критерий не ограничивает чрезмерно свободу печати, поскольку, не налагая полного запрета на изображения из сферы повседневной и частной жизни деятелей современного общества, позволяет показывать их во время их появления на публике. В случае преобладания общественного интереса в получении информации, свобода печати, в соответствии с этим судебным прецедентом, может даже получить приоритет перед защитой сферы частной жизни...

Верховный федеральный суд правильно указал на правомерность делать выводы из поведения человека, находящегося в безусловно уединенном месте. Однако защита от распространения фотографий, снятых в такой среде, распространяется не только на случаи, когда человек ведет себя так, как он не стал бы вести себя на публике. Напротив, невозможно обеспечить должную защиту развития личности, если у людей, независимо от их поведения, не будет пространства, где они могли бы отдохнуть, не будучи принужденными терпеть присутствие фотографов или телеоператоров. Это не относится, впрочем, к рассматриваемому случаю, поскольку, согласно сведениям, на которых Верховный федеральный суд основал свое решение, не было выполнено первое из условий защиты частной жизни.

Наконец, нет ничего неконституционного в том, чтобы при сопоставлении общественного интереса в получении информации с защитой частной жизни придавать значение методу, использованному для получения такой информации... Сомнительно, однако, чтобы простое фотографирование человека, осуществленное тайно или застигнув его врасплох, могло расцениваться как вмешательство в его личную жизнь за порогом его жилища. Учитывая назначение, приписываемое неприкосновенности личной жизни по конституционному праву, а также то, что из фотографии обычно не представляется возможным установить, было ли изображенное на ней лицо сфотографировано тайно или застигнуто врасплох, наличие незаконного вмешательства в личную жизнь не может, во всяком случае, выводиться исключительно из того факта, что фотография сделана в подобных условиях. Поскольку, однако, Верховный федеральный суд установил уже в отношении фотографий, о которых идет речь, что заявительница не находилась в уединенном месте, изложенные выше сомнения не могут каким-либо образом повлиять на пересмотр им своего решения.

(сс) Однако, конституционные требования не были удовлетворены постольку, поскольку в обжалуемых заявительницей решениях не учитывается тот факт, что право на защиту прав личности в ситуации, в которой оказалась заявительница, усиливается статьей 6 Основного закона относительно близких отношений ее со своими детьми.

(dd) Из вышеприведенных соображений относительно фотографий, о которых идет речь, могут быть сделаны следующие выводы.

Решение Верховного федерального суда не подлежит критике по конституционному праву в отношении фотографий заявительницы на рынке, совершающей покупки в сопровождении своего телохранителя и обедающей со своим спутником в многолюдном ресторане. Первые два случая имели место в открытом месте, посещаемом широкой публикой. Третий случай, предположительно, касается достаточно замкнутого, выражаясь в пространственном смысле, места, — такого, впрочем, где заявительница была подвержена взорам других посетителей.

Именно по этой причине Верховный федеральный суд и посчитал правомерным запретить публикацию фотографий заявительницы в садике ресторана, бывших предметом оспариваемого решения, но не являющихся предметом конституционной жалобы.

Присутствие заявительницы и ее спутника там носит все признаки уединения. Тот факт, что фотографии, о которых идет речь, сделаны очевидно с большого расстояния, показывает, что заявительница была вправе полагать, что она находится вдали от взоров публики.

Обжалуемое решение не подлежит критике и в отношении фотографий заявительницы, на которых она изображена одна верхом на лошади и во время велосипедной прогулки. По мнению Верховного федерального суда, заявительница была не в уединенном, а в общественном месте. Это заключение не может навлечь критику по конституционному праву. Сама заявительница считает фотографии, о которых идет речь, принадлежащими к сфере ее частной жизни только на том основании, что в них проявляется ее желание побыть наедине. В соответствии с вышеизложенными критериями, желание самого лица не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу.

Три фотографии заявительницы с ее детьми, однако, нуждаются в новом рассмотрении в свете изложенных выше конституционных норм. Мы не можем исключать вероятности того, что пересмотр, который должен быть произведен в свете соответствующих критериев, приведет к иному заключению относительно той или иной, а возможно, что и всех фотографий. Таким образом, решение должно быть отменено в этом отношении и передано на пересмотр в Верховный федеральный суд.

(d) Решения Земельного суда и Апелляционного суда привели к нарушению фундаментальных прав вследствие ограничения рамками одного жилища неприкосновенности личной жизни, защищаемой статьей 2(1) Основного закона, рассматриваемой в сочетании со статьей 1(1), в соответствии, к тому же, с обоснованием, которое согласовалось с прецедентным правом на то время.

Решения, о которых идет речь, однако, не должны быть отменены, поскольку обжалованное нарушение частично исправлено Верховным федеральным судом, а оставшаяся часть дела передана в тот же суд...»

(e) Продолжение судопроизводства

26. После передачи в Верховный федеральный суд дела в отношении трех фотографий, появившихся в журнале Bunte (№ 32 от 5 августа 1993 г. и № 34 от 19 августа 1993 г.), на которых заявительница запечатлена со своими детьми, издательство Burda обязалось не публиковать в дальнейшем эти фотографии (Unterlassungserklärung).

2. Второй этап судебного разбирательства

(а) Решение Земельного суда Гамбурга от 26 сентября 1997 г.

27. 14 мая 1997 г. заявительница обратилась в Земельный суд Гамбурга с новым ходатайством о наложении на издательство *Burda* судебного запрета на повторную публикацию второго цикла фотографий, на том основании, что они нарушают ее право на защиту прав личности, гарантированное статьями 2(1) и 1(1) Основного закона, а также ее право на защиту своей частной жизни и право на контроль за использованием собственного изображения, гарантированные статьей 22 и последующими статьями Закона об авторском праве.

28. В решении от 26 сентября 1997 г. Земельный суд Гамбурга отклонил апелляцию, сославшись, в частности, на мотивировочную часть решения Верховного федерального суда от 19 декабря 1995 г.

(b) Решение Апелляционного суда Гамбурга от 10 марта 1998 г.

29. Заявительница обжаловала это решение.

30. В решении от 10 марта 1998 г. Апелляционный суд Гамбурга также отклонил апелляцию заявительницы по тем же основаниям.

(c) Решение Федерального конституционного суда от 4 апреля 2000 г.

31. Так как Апелляционный суд не дал разрешения на обжалование решения по вопросам права в Верховном федеральном суде, заявительница подала конституционную жалобу непосредственно в Федеральный конституционный суд, основывая ее на прежних своих доводах.

32. В решении от 4 апреля 2000 г. Федеральный конституционный суд, заседавая в виде коллегии в составе трех судей, отказался принимать жалобу к рассмотрению. Он сослался при этом, в частности, на решение Верховного федерального суда от 19 декабря 1995 г. и на свое собственное поворотное решение от 15 декабря 1999 г.

3. Третий этап судебного разбирательства

(a) Решение Земельного суда Гамбурга от 24 апреля 1998 г.

33. 5 ноября 1997 г. заявительница вновь обратилась в Земельный суд Гамбурга с ходатайством о наложении судебного запрета на повторную публикацию издательством Heinrich Bauer третьего цикла фотографий, на том основании, что они нарушают ее право на защиту прав личности, гарантированное статьями 2(1) и 1(1) Основного закона, а также право на защиту частной жизни и на контроль за использованием собственного изображения, гарантированное статьей 22 и последующими статьями Закона об авторском праве.

Заявительница представила, в числе прочего, засвидетельствованные показания директора пляжного клуба Монте-Карло, согласно которым бассейны для плавания, о которых идет речь, являются частным заведением; вход в них был обусловлен внесением высокой платы и тщательно контролировался, журналистам же и фотографам вход был воспрещен, если только у них не было явного разрешения от владельца заведения. То обстоятельство, что фотографии очень размыты, свидетельствует, что они были сняты тайно с расстояния в несколько сотен метров из окна или с крыши близлежащего дома.

34. В решении от 24 апреля 1998 г. Земельный суд Гамбурга отклонил апелляцию заявительницы, сославшись, в частности, на мотивировочную часть решения Верховного федерального суда от 19 декабря 1995 г. Суд указал, что пляжный клуб Монте-Карло следует считать открытым для публики бассейном для плавания на свежем воздухе, несмотря на то, что вход в него был ограничен и за него взималась особая плата.

(b) Решение Апелляционного суда Гамбурга от 13 октября 1998 г.

35. Заявительница обжаловала это решение.

36. В решении от 13 октября 1998 г. Апелляционный суд Гамбурга отклонил апелляцию по тем же самым основаниям.

Апелляционный суд пришел к заключению, что ни бассейн, ни пляж не являются уединенным местом, а снимки того, как заявительница спотыкается и падает на землю, не имели целью опорочить или унижить ее в глазах общественности.

(c) Решение Федерального конституционного суда от 13 апреля 2000 г.

37. Так как Апелляционный суд не дал заявительнице разрешения на подачу в Верховный федеральный суд апелляции по вопросам права, заявительница подала конституционную жалобу непосредственно в Федеральный конституционный суд, основывая ее на прежних своих доводах.

38. В решении от 13 апреля 2000 г. Федеральный конституционный суд, заседая в виде коллегии в составе трех судей, отказался принимать жалобу к рассмотрению, сославшись, в частности, на решение Верховного федерального суда от 19 декабря 1995 г. и на свое собственное поворотное решение от 15 декабря 1999 г.

Конституционный суд постановил, что суды ординарной юрисдикции пришли к правильному заключению о том, что пляжный клуб Монте-Карло не является уединенным местом, а фотографии того, как заявительница в купальном костюме падает на землю, не составляют нарушения ее права на уважение ее частной жизни.

II. Соответствующее внутреннее и европейское законодательство

A. Основной закон

39. Ниже приведены соответствующие положения Основного закона Германии:

Статья 1(1)

«Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всех органов государственной власти».

Статья 2(1)

«Каждый имеет право на свободное развитие своей личности, при условии что он не нарушает прав других лиц и не посягает на конституционный порядок или нравственный закон (Sittengesetz)».

Статья 5(1)

«(1) Каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение устно, письменно и посредством изображений, а также беспрепятственно получать информацию из общедоступных

источников. Гарантируется свобода печати и свобода информации посредством радио и кино. Цензуры не существует.

(2) Границы этих прав устанавливаются положениями общих законов и законодательными постановлениями, направленными на охрану молодежи и права на уважение к личности (Recht der persönlichen Ehre)»

Статья 6(1) и (2)

«(1) Брак и семья находятся под особой защитой государства.

(2) Уход за детьми и воспитание их являются естественным правом родителей и первой их обязанностью. Государство осуществляет наблюдение за исполнением ими этой обязанности».

В. Закон об авторском праве

40. Статья 22(1) Закона об авторском праве предусматривает, что изображения могут распространяться только с явно выраженного согласия соответствующего лица.

41. Статья 23(1) № 1 того же Закона предусматривает исключения из этого правила, в частности, когда речь идет об изображениях из сферы современного общества (Bildnisse aus dem Bereich der Zeitgeschichte), при условии, что публикация не наносит ущерба правомерному интересу (berechtigtes Interesse) соответствующего лица (статья 23(2)).

С. Резолюция 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни

42. Ниже приведен полный текст данной резолюции, принятой Парламентской Ассамблеей 26 июня 1998 г.:

«1. Ассамблея напоминает о дискуссии по разным аспектам права на неприкосновенность личной жизни, состоявшейся на ее сентябрьской сессии 1997 г., через несколько недель после того несчастного случая, который стоил принцессе Уэльской жизни.

2. Пользуясь этим случаем, одни стали требовать усиления на европейском уровне, посредством конвенции, защиты неприкосновенности личной жизни, и, особенно, личной жизни публичных фигур; другие же заявляли, что неприкосновенность личной жизни в достаточной мере защищена национальным законодательством и Европейской конвенцией по правам человека, и что не следует подвергать опасности свободу выражения.

. Для более глубокого изучения данного вопроса Комитет по правовым вопросам и правам человека организовал 16 декабря 1997 г. слушания в Париже с участием публичных фигур, их представителей и средств массовой информации.

4. Право на неприкосновенность личной жизни, гарантированное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, уже определено Ассамблеей в Декларации о средствах массовой информации и правах человека, содержащейся в Резолюции 428 (1970), как «право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в нее».

5. С учетом новых коммуникационных технологий, позволяющих хранить и воспроизводить сведения персонального характера, к указанному определению следует добавить право на контроль за сведениями персонального характера.

6. Ассамблея отдает себе полный отчет в том, что личная жизнь часто подвергается вторжениям, даже в странах, где имеются специальные законы для ее защиты, поскольку для определенной части некоторых СМИ подробности личной жизни стали предметом чрезвычайно выгодной купли-продажи. Их жертвами в основном становятся публичные фигуры, поскольку подробности их жизни служат хорошим стимулом для продаж. Одновременно публичные фигуры должны признать то обстоятельство, что особое положение, которое они, зачастую по собственному выбору, занимают в обществе, автоматически ведет к усилению давления общественности в отношении их личной жизни.

7. Публичными фигурами являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области.

8. Пользуясь односторонним толкованием права на свободу выражения, гарантированного статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, средства массовой информации зачастую вторгаются в личную жизнь людей, оправдывая это тем, что их читатели имеют право знать всё о публичных фигурах.

9. Определенные факты из частной жизни публичных, и, в частности, политических деятелей, конечно же, могут представлять интерес для граждан и, следовательно, читатели, которые также являются и избирателями, имеют право быть в курсе о такого рода фактах.

10. Таким образом, необходимо найти способ уравновесить два фундаментальных права, которые оба гарантируются Европейской конвенцией по правам человека: право на защиту частной жизни и право на свободу выражения.

11. Ассамблея подтверждает значимость права каждого человека на неприкосновенность его личной жизни и права на свободу выражения как основополагающих для демократического общества. Эти права не носят абсолютного характера и не находятся в подчинении одно у другого, оба они равноценны.

12. В то же время, Ассамблея указывает, что право на неприкосновенность личной жизни, предоставленное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, должно защищать человека не только от вмешательства органов государственной власти, но и от любых посягательств со стороны частных лиц и организаций, включая средства массовой информации.

13. Ассамблея полагает, что, поскольку все государства-участники уже ратифицировали Европейскую конвенцию по правам человека, и поскольку во многих системах национального законодательства содержатся положения, гарантирующие подобную защиту, нет необходимости в принятии новой конвенции об обеспечении права на неприкосновенность личной жизни.

14. Ассамблея призывает правительства государств-участников принять такие законы об обеспечении права на неприкосновенность личной жизни, если таковые еще не приняты, которые соответствовали бы следующим основным положениям, либо привести в соответствие с ними уже действующее законодательство:

(i) должно быть гарантировано право потерпевшего требовать, посредством гражданского иска, возмещения потенциального ущерба, нанесенного в результате посягательства на его личную жизнь;

(ii) если в публикациях содержатся посягательства на личную жизнь, соответствующие редакторы и журналисты должны нести ответственность в той же мере, как и в случае клеветы;

(iii) в случае, если редактор опубликовал сведения, которые в дальнейшем оказались ошибочными, он обязан на основании требования заинтересованных лиц опубликовать исправления в надлежащем объеме;

(iv) в отношении тех издательских групп, которые регулярно посягают на частную жизнь людей, следует применять экономические штрафные санкции;

(v) необходимо запретить преследование, фотографирование, видеосъемку или аудиозапись людей, если это каким-либо образом препятствует спокойствию частной жизни этих людей или наносит им реальный физический ущерб;

(vi) пострадавшему должна быть предоставлена возможность подать гражданский иск в суд против фотографа или лица, напрямую вовлеченного в оспариваемые действия, в случае, если «папарацци» вторглись в его личные владения либо использовали специальную увеличительную (усиливающую) видео- и аудиоаппаратуру для записи (съемки), которую иначе невозможно было бы осуществить без вторжения в личные владения;

(vii) следует предусмотреть положение, по которому лицо, располагающее информацией о том, что кто-то намеревается распространить сведения или изображения в отношении его частной жизни, могло возбудить чрезвычайный судебный процесс, такой как упрощенное производство о временном распоряжении или судебном приказе об отсрочке распространения таких сведений, на основании оценки судом существа иска о вторжении в личную жизнь;

(viii) следует содействовать тому, чтобы средства массовой информации разработали свои правила касательно публикации материалов и учредили орган, куда частные лица могли бы обращаться с жалобами на вторжение в их частную жизнь и с требованиями о публикации опровержений и исправлений.

15. Она приглашает правительства, которые еще этого не сделали, без промедления ратифицировать Конвенцию Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных.

16. Ассамблея также призывает правительства государств-участников:

(i) содействовать профессиональным органам, представляющим журналистов, в выработке определенных критериев занятия журналистской деятельностью, а также норм саморегулирования и кодексов журналистского поведения;

(ii) способствовать включению в программы подготовки журналистов курса права, в котором подчеркивалась бы значимость права на неприкосновенность личной жизни для общества в целом;

(iii) стимулировать, в рамках обучения правам и обязанностям человека, широкомасштабное обучение работников СМИ с целью повышения их знаний в отношении того, что влечет за собой право на неприкосновенность личной жизни;

(iv) облегчить доступ в судебные учреждения и упростить процессуальные нормы в отношении правонарушений в прессе, в целях обеспечения лучшей защиты прав пострадавших».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

43. Заявительница утверждала, что решения германских судов нарушают ее право на уважение ее частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции, в которой говорится:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Письменные замечания сторон по делу и третьей стороны

1. Заявительница

44. Заявительница утверждает, что она потратила более десяти лет на безуспешные тяжбы в германских судах, пытаясь отстоять свое право на защиту частной жизни. Она заявляет, что как только она выходила за порог своего дома, ее постоянно преследовали папарацци, которые не отставали от нее ни на минуту, что бы они делала — переходила улицу, забирала детей из школы, ходила по магазинам, гуляла, занималась спортом или отдыхала. По ее мнению, защита, предоставляемая по германскому законодательству частной жизни публичной фигуры вроде нее самой, минимальна, поскольку понятие «уединенного места», как оно определяется Верховным федеральным судом и Федеральным конституционным судом, в этом отношении является слишком узким. Более того, чтобы извлечь пользу из этой защиты, она обязана доказать каждый случай нахождения в уединенном месте. Таким образом, ее личная жизнь была лишена всяческой неприкосновенности, и она не могла свободно передвигаться, без того чтобы не стать мишенью для папарацци. Она утверждает, что во Франции для публикации любых ее фотографий, кроме сделанных на официальных мероприятиях, требуется ее предварительное согласие. Однако подобного рода фотографии регулярно снимались во Франции, а затем продавались и

публиковались в Германии. Таким образом, защита частной жизни, которой она пользовалась во Франции, систематически обходилась в силу решений германских судов. По вопросу о свободе печати заявительница указала, что она отдает себе полный отчет в том, сколь значимую роль пресса в демократическом обществе играет в деле информирования общественности и формирования общественного мнения, однако в ее случае речь идет только о развлекательной прессе, стремящейся удовлетворить нездоровые желания своих читателей и извлечь барыши из публикации вполне нейтральных фотографий из ее повседневной жизни. Наконец, заявительница подчеркивает, что, по существу, невозможно установить в отношении каждой фотографии, была ли она сделана в уединенном месте или нет. Так как судебные процессы проводились, как правило, спустя несколько месяцев после опубликования фотографий, она была вынуждена постоянно записывать каждый свой шаг, чтобы иметь возможность защитить себя от папарацци, которые могут ее сфотографировать. В отношении многих фотографий, являющихся предметом настоящей жалобы, не представляется возможным установить точное место и время, где и когда они были сняты.

2. Правительство

45. Правительство утверждает, что германское законодательство, принимая во внимание основополагающую роль свободы печати в демократическом обществе, содержит достаточное число гарантий, позволяющих обеспечить действенную защиту частной жизни, в том числе публичных фигур, и не допустить каких бы то ни было злоупотреблений в этой сфере. По его мнению, в рассматриваемом деле германским судам удалось добиться справедливого баланса между правом заявительницы на уважение ее частной жизни, гарантированным статьей 8, и свободой печати, гарантированной статьей 10, с учетом свободы усмотрения, предоставленной государству в этой области. Суды, в первую очередь, заключили, что фотографии сделаны не в уединенном месте, вслед за чем они рассмотрели вопрос о границах защиты частной жизни, особенно в свете свободы печати, и даже в тех случаях, когда дело касается опубликования фотографий в развлекательной прессе. Защита частной жизни знаменитости не требует того, чтобы публикация фотографий без его разрешения ограничивалась показом соответствующего лица только при исполнении им своих официальных обязанностей. Общественность имеет правомерный интерес знать, как то или иное лицо обычно ведет себя на публике. Правительство указало, что определение свободы печати Федеральным конституционным судом соответствует статье 10 Конвенции и прецедентному праву Европейского суда. Более того, понятие уединенного места было хотя и важным, но лишь одним из факторов, которыми руководствовались внутренние суды при решении вопроса об установлении баланса между защитой частной жизни и свободой печати. Соответственно, хотя частная жизнь защищена в меньшей степени, когда публичную фигуру фотографируют в общественном месте, в рассмотрение могут приниматься и другие факторы, — такие, например, как характер фотографий, которые не должны шокировать общественность. Наконец, Правительство повторило, что решение Верховного федерального суда о признании незаконной публикации фотографий заявительницы с актером Винсентом Линдоном во дворике ресторана в Сен-Реми-де-Прованс свидетельствует, что частная жизнь заявительницы была защищена и за порогом ее жилища.

3. Третья сторона

46. Союз редакторов немецких журналов указал в своем представлении, что в германском праве, находящемся где-то посередине между французским и английским правом, установлен справедливый баланс между правом на защиту частной жизни и свободой печати. В своих замечаниях он также согласился с принципами, изложенными в Резолюции № 1165 Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни и с прецедентным правом Европейского суда, в котором неизменно подчеркивалась фундаментальная роль прессы в демократическом обществе.

Правомерный интерес общественности в получении информации не ограничивается политическими деятелями, но распространяется и на публичных фигур, ставших известными по иным причинам. Роль прессы как «сторожевого пса» демократии не может толковаться здесь в узком смысле. В этой связи следует принять во внимание и тот факт, что граница между политическим комментарием и развлекательным материалом становится все более размытой. Учитывая отсутствие единообразных европейских норм относительно защиты частной жизни, государство обладает в этой области широкой свободой усмотрения.

47. Издательство *Burda* присоединилось к замечаниям Союза редакторов немецких журналов и заявило, что по германскому законодательству суды обязаны сопоставлять соперничающие интересы информирования общественности и защиты права на контроль за использованием собственного изображения со всей тщательностью и с учетом обстоятельств каждого конкретного дела. Даже знаменитости пользуются отнюдь не незначительной степенью защиты, а в последних судебных прецедентах прослеживается даже тенденция к усилению такой защиты. После смерти ее матери в 1982 г., заявительница официально является первой леди королевской семьи в Монако и, в качестве таковой, выполняет функцию примера для публики (*Vorbildfunktion*). Более того, семья Гримальди всегда стремилась к привлечению к себе внимания средств массовой информации, а потому сама отвечает за большой интерес к ней общественности. Заявительница не может, таким образом, особенно с учетом ее официальных функций, быть признана жертвой прессы. Публикация фотографий, о которых идет речь, не нарушила ее права на контроль за использованием собственного изображения, поскольку фотографии эти были сделаны, когда она находилась на публике, и не причинили ущерба ее репутации.

В. Оценка Суда

1. Относительно предмета жалобы

48. Суд указывает в самом начале, что фотографии заявительницы с ее детьми больше не являются предметом жалобы, как было им указано в решении о приемлемости жалобы от 8 июля 2003 г.

То же самое касается и фотографий, опубликованных в журнале *Freizeit Revue* (№30 за 22 июля 1993 г.), на которых заявительница снята с Винсентом Линдоном в укромном уголке двора ресторана в Сен-Реми-де-Прованс (см. пункт 11 выше). В своем решении от 19 декабря 1995 г. Верховный федеральный суд запретил дальнейшую публикацию этих фотографий на том основании, что они нарушают право заявительницы на уважение ее частной жизни (см. пункт 23 выше).

49. Соответственно, Суд считает важным указать, что настоящая жалоба касается следующих фотографий, опубликованных в рамках серии статей о заявительнице:

(i) фотографии, опубликованной в журнале *Bunte* (№32 за 5 августа 1993 г.), на которой заявительница показана верхом на лошади (см. пункт 12 выше);

(ii) фотографий, опубликованных в журнале *Bunte* (№34 за 19 августа 1993 г.), на которых заявительница одна ходит по магазинам; обедает с г-ном Винсентом Линдоном в ресторане; одна катается на велосипеде; и ходит по рынку в сопровождении телохранителя (см. пункт 13 выше);

(iii) фотографий, опубликованных в журнале *Bunte* (№ 10 за 27 февраля 1997 г.), на которых заявительница показана во время отдыха на горнолыжной базе в Австрии (см. пункт 14 выше);

(iv) фотографий, опубликованных в журнале *Bunte* (№12 за 13 марта 1997 г.), на которых заявительница показана с принцем Эрнстом-Августом Ганноверским, а также запечатлено, как она одна покидает свою парижскую резиденцию (см. пункт 15 выше);

(v) фотографий, опубликованных в журнале *Bunte* (№16 за 10 апреля 1997 г.), на которых изображено, как заявительница играет в теннис с принцем Эрнстом-Августом Ганноверским, и как оба они слезают с велосипедов (см. пункт 16 выше);

(vi) фотографий, опубликованных в журнале *Neue Post* (№35/97), на которых запечатлено, как заявительница спотыкается о препятствие в пляжном клубе Монте-Карло (см. пункт 17 выше).

2. Относительно применимости статьи 8

50. Суд еще раз напоминает, что понятие частной жизни распространяется на такие стороны человеческой личности, как имя человека (см. постановление по делу Бургхартц против Швейцарии от 22 февраля 1994 г., Серия А, т.280-В, стр.28, п.24) и изображение человека (см. постановление по делу Шюссель против Австрии, жалоба № 42409/98 от 21 февраля 2002 г.).

Кроме того, с точки зрения Суда, частная жизнь включает в себя физическую и психологическую неприкосновенность личности; главная цель предоставляемой статьей 8 Конвенции гарантии заключается в обеспечении развития, без постороннего вмешательства, личности каждого человека в его отношениях с другими людьми (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу Нимитц против Германии от 16 декабря 1992 г., Серия А, т. 251-В, стр. 33, п. 29, и постановление по делу Ботта против Италии от 24 февраля 1998, «Отчеты о судебных постановлениях и решениях» 1998-I, стр.422, п.32). Следовательно, даже в публичной среде существует определенная зона взаимодействия человека с другими людьми, которая может относиться к сфере «частной жизни» (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу П.Г. и Дж.Х. против Соединенного Королевства, жалоба №44787/98, п.56, ECHR 2001-IX, и постановление по делу Пекк против Соединенного Королевства, жалоба №44647/98, п.57, ECHR 2003-I.).

51. Суд также отмечал, что при определенных обстоятельствах человек «вправе ожидать» защиты и уважения его частной жизни. Так, в деле о прослушивании телефонных разговоров в помещениях предприятия он постановил, что заявитель «был вправе ожидать неприкосновенности его личной жизни в том, что касается таких разговоров» (см. постановление по делу Халфорд против Соединенного Королевства от 25 июня 1997 г., «Отчеты о судебных постановлениях и решениях» 1997-III, стр.1016, п.45).

52. Что же касается фотографий, то с целью определения предоставляемых статьей 8 пределов защиты от произвольного вмешательства органов государственной власти Комиссия принимала в расчет, касаются ли фотографии частных или общественных вопросов, а также то, предназначены ли полученные таким образом материалы для ограниченного употребления, или их предполагается сделать доступными широкой общественности (см., *mutatis mutandis*, дело Фридль против Австрии от 31 января 1995 г., Серия А, т.305-В, мировое соглашение, мнение Комиссии, стр. 21, пп.49-52; вышеупомянутое постановление по делу П.Г. и Дж.Х., п.58; и вышеупомянутое постановление по делу Пекк, п.61).

53. В настоящем деле не вызывает сомнений, что опубликование различными немецкими журналами фотографий из повседневной жизни заявительницы — как ее одной, так и в компании с другими людьми — подпадает под сферу ее частной жизни.

3. Соответствие статье 8

а. Позиция внутренних судов

54. Суд отмечает, что в своем поворотном решении от 15 декабря 1999 г. Федеральный конституционный суд толковал статьи 22 и 23 Закона об авторском праве (см. пункты 40-41 выше) путем сопоставления требований свободы печати с требованиями защиты частной жизни, то есть, путем установления баланса между общественным интересом в получении информации и правомерными интересами заявительницы. При этом Федеральный конституционный суд принял во внимание два критерия германского права: один — функциональный, и другой — пространственный. Он расценил, что заявительница, как знаменитость, пользуется защитой частной жизни даже за порогом своего жилища, но лишь в тех случаях, когда она находится в уединенном месте вдали от взоров публики, «куда соответствующее лицо удалилось с явно выраженным намерением побыть наедине, и где, будучи уверенным в отсутствии посторонних глаз, оно ведет себя иначе, чем стало бы вести себя на публике». В свете этих критериев Федеральный конституционный суд постановил, что решение Верховного федерального суда от 19 декабря 1995 г. относительно публикации рассматриваемых фотографий соответствует Основному закону. Суд придал решающее значение свободе прессы, даже развлекательной, и общественному интересу в получении информации о том, как заявительница ведет себя за рамками своих представительских функций (см. пункт 25 выше).

55. Ссылаясь на свое поворотное решение, Федеральный конституционный суд не принял к рассмотрению поданные заявительницей жалобы в последующем судопроизводстве (см. пункты 32 и 38 выше).

b. Общие принципы, регламентирующие защиту частной жизни и свободу выражения

56. В настоящем деле заявительница жаловалась не на действия государства, а скорее на недостаток должной защиты ее частной жизни и изображений со стороны государства.

57. Суд повторяет, что хотя предмет статьи 8 заключается по существу в защите личности от произвольного вмешательства органов государственной власти, она не просто вынуждает государство воздерживаться от такого вмешательства: кроме этого, главным образом, отрицательного обязательства у государства могут быть и положительные обязательства в отношении действенного уважения частной или семейной жизни. Такие обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения к частной жизни даже в сфере отношений частных лиц между собой (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу X и Y против Нидерландов от 26 марта 1985 г., Серия А, т.91, стр.11, п.23; постановление по делу Стьерна против Финляндии от 25 ноября 1994 г., Серия А, т.299-В, стр.61, п.38; и постановление по делу Ферлире против Швейцарии, жалоба №41953/98, ECHR 2001-VII). Данное соображение действительно и в отношении защиты изображения частного лица от злоупотреблений со стороны других лиц (см. вышеупомянутое постановление по делу Шюссель).

Граница между положительными и отрицательными обязательствами государства по указанному положению не поддается точному определению. Применяемые принципы, тем не менее, остаются одними и теми же. В обоих случаях следует обращать особое внимание на поиск справедливого баланса между соперничающими интересами частного лица и общества в целом; в обоих случаях государство пользуется определенной свободой усмотрения (см., в числе многих других источников, постановление по делу Киган против Ирландии от 26 мая 1994 г., Серия А, т.290, стр.19, п.49, и вышеуказанное постановление по делу Ботта, стр.427, п.33).

58. Защита частной жизни должна быть соотнесена со свободой выражения, гарантированной статьей 10 Конвенции. В этой связи Суд еще раз подчеркивает, что свобода выражения представляет собой одну из основных опор демократического общества. При условии соблюдения требований пункта 2 статьи 10, она применяется не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества» (см. постановление по делу Хэндисайд против Соединенного Королевства от 7 декабря 1976 г., Серия А, т.24, стр.23, п.49).

В этой связи пресса играет в демократическом обществе важнейшую роль. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, долг ее состоит в том, чтобы сообщать — любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см., среди прочих источников, постановление по делу «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства от 26 ноября 1991 г., Серия А, т.216, стр.29-30, п.59, и постановление по делу «Бладет Тромсо» и Стенсаас против Норвегии [GC], №21980/93, п.59, ECHR 1999-III). Журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. постановление по делу Прагер и Обершлик против Австрии от 26 апреля 1995 г., Серия А, т.313, стр.19, п.38; постановление по делу Таммер против Эстонии, жалоба №41205/98, п.59-63, ECHR 2001-I; и постановление по делу «Призма пресс» против Франции, жалобы №№ 66910/01 и 71612/01, 1 июля 2003 г.).

59. Хотя свобода выражения распространяется и на публикацию фотографий, это — область, где защита прав и репутации других лиц приобретает особую значимость. Рассматриваемое дело касается распространения не «идей», а изображений, содержащих глубоко личную и даже интимную «информацию» о человеке. Кроме того, появляющиеся в «желтой прессе» фотографии часто снимаются в обстановке назойливого приставания, вызывающего у соответствующего лица очень сильное чувство вторжения в его частную жизнь, и даже преследования.

60. В делах, при рассмотрении которых Суду приходилось заниматься уравниванием защиты частной жизни и свободы выражения, он всегда акцентировал внимание на том вкладе, какой фотографии или статьи в прессе вносят в обсуждение общественно-значимых вопросов (см., в качестве новейшего источника, постановление по делу «Ньюс ферлагс ГмбХ & Ко. КГ» против Австрии, жалоба №31457/96, п.52 и последующие, ECHR 2000-I, и постановление по делу «Кроне ферлагс ГмбХ & Ко. КГ» против Австрии, жалоба №34315/96, п.33 и последующие, 26 февраля 2002

г.). Так, в одном из дел Суд счел, что употребление определенных выражений в отношении частной жизни некоего лица не было «оправдано соображениями общественного интереса», и что эти выражения не «имели отношения к вопросам общей значимости» (см. вышеуказанное постановление по делу Таммер, п. 68), и постановил, что нарушение статьи 10 места не имело. Однако в другом деле Суд придал особое значение тому обстоятельству, что предметом рассмотрения является сообщение «большой общественной значимости», и что опубликованные фотографии «не раскрывают никаких подробностей частной жизни» лица, о котором идет речь (см. вышеупомянутое постановление по делу Кроне ферлаг, п. 37), и постановил, что нарушение статьи 10 имело место. Аналогичным образом, в недавно рассматривавшемся деле о публикации бывшим частным доктором президента Миттерана книги с откровениями о состоянии здоровья президента, Суд пришел к заключению, что «чем больше проходит времени, тем в большей степени общественный интерес к правившему в течение двух семилетних сроков президенту Миттерану берет верх над требованиями защиты его прав в отношении конфиденциального характера истории его болезни» (см. постановление по делу Плон (Общество) против Франции, жалоба №58148/00, 18 мая 2004 г.), и постановил, что имело место нарушение статьи 10.

с. Применение Судом этих общих принципов

61. Суд указал в самом начале, что в настоящем деле фотографии заявительницы в различных немецких журналах представляют собой сцены из ее повседневной жизни, носящие чисто личный характер, — такие, как занятия спортом, прогулки на свежем воздухе, выход из ресторана или отдых в горах. Фотографии, на которых заявительница запечатлена то одна, то в компании, иллюстрируют серию статей под такими успокаивающими заголовками, как «Простое счастье», «Каролина... женщина возвращается к жизни», «По пути в Париж с принцессой Каролиной» и «Поцелуй, или Они больше не скрываются...» (см. пункты 11-17 выше).

62. Суд также отмечает, что заявительница как член семьи принца Монакского представляет королевскую семью на некоторых культурных и благотворительных мероприятиях. Однако она не выполняет никаких функций ни в самом государстве Монако или каком-либо из его учреждений, ни по их поручению (см. пункт 8 выше).

63. Суд полагает, что необходимо провести четкое разграничение между сообщением фактов, даже весьма спорных, способным оказать положительное влияние на обсуждение в демократическом обществе вопросов, касающихся, например, политических деятелей при исполнении ими своих функций, и сообщением подробностей частной жизни лица, которое, ко всему прочему, как в данном случае, не занимается никакой официальной деятельностью. Тогда как в первом случае пресса исполняет свою исключительно важную роль «сторожевого пса» демократии в деле «информирования общественности по вопросам, представляющим общественный интерес» (вышеуказанное постановление по делу «Обсервер» и «Гардиан», *ibid.*), во втором случае таковой роли она не играет.

64. Аналогичным образом, хотя общественность имеет право на получение информации, что является существенным правом в демократическом обществе, которое, при определенных особых обстоятельствах, может распространяться даже на отдельные стороны частной жизни публичных фигур, особенно если дело касается политических деятелей (см. вышеуказанное постановление по делу Плон (Общество), *ibid.*), это соображение не применимо к настоящему делу. Рассматриваемая в нем ситуация не подпадает под рамки политической или общественной дискуссии, ибо опубликованные фотографии и сопровождающие их комментарии касаются исключительно подробностей частной жизни заявительницы.

65. Как и в других схожих делах, которые ему доводилось рассматривать ранее, Суд считает, что, несмотря на то, что заявительница широко известна общественности, публикация рассматриваемых фотографий и статей, единственной целью которых было удовлетворение любопытства определенного круга читателей к подробностям частной жизни заявительницы, не может считаться вкладом в обсуждение какого-либо общественно-значимого вопроса (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу Хайме Кампани и Диез де Ревенга и Хуан Луис Лопес-Галиачо Перона против Испании, жалоба № 54224/00, 12 декабря 2000 г.; постановление по делу Хулио Боу Хиберт и «Эль Огар и ла Мода Х.А.» против Испании, жалоба №14929/02, 13 мая 2003 г.; и вышеуказанное постановление по делу Призма пресс).

66. В таких условиях свободу выражения следует толковать в более узком смысле (см. вышеупомянутое постановление по делу Призма пресс, и, в противоположном смысле, вышеупомянутое постановление по делу Кроне ферлаг, п. 37).

67. В этой связи Суд также принимает во внимание резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни, в которой указывается на «однобокое толкование права на свободу выражения» определенными средствами массовой информации, пытающимися обосновать вмешательство в осуществление прав, защищаемых статьей 8 Конвенции, тем соображением, что «их читатели имеют право знать всё об публичных фигурах» (см. пункт 42 выше, и вышеупомянутое постановление по делу Призма пресс).

68. Суд указывает и на другое весьма важное соображение: хотя рассматриваемая жалоба касается, собственно говоря, только публикации фотографий и статей в различных немецких журналах, нельзя не придавать никакого значения тому контексту, в котором эти фотографии были сняты — без ведома и согласия заявительницы — и тому преследованию, которому подвергаются в своей повседневной жизни многие публичные фигуры (см. пункт 59 выше).

В настоящем деле данное соображение особенно явственно подкрепляется фотографиями, сделанными в пляжном клубе Монте-Карло, на которых показано, как заявительница спотыкается и падает на землю (см. пункт 17 выше). Похоже, что эти фотографии были сняты тайно с расстояния нескольких сотен метров, возможно даже, что из соседнего дома, ибо допуск журналистов и фотографов в клуб был строго регламентирован (см. пункт 33 выше).

69. Суд еще раз обращает внимание на особую важность защиты частной жизни с точки зрения развития личности каждого человека. Такая защита, как указывалось ранее, распространяется и за рамки семейной и частной жизни, включая в себя особое социальное измерение. Суд считает, что все, даже широко известные люди, «вправе ожидать» защиты и уважения своей частной жизни (см. пункт 51 выше и, *mutatis mutandis*, вышеупомянутое постановление по делу Халфорд, п. 45).

70. Кроме того, необходимо повысить бдительность в деле защиты частной жизни в связи с развитием новых коммуникационных технологий, позволяющих хранить и воспроизводить сведения персонального характера (см. пункт 5 резолюции Парламентской Ассамблеи о праве на неприкосновенность личной жизни — см. пункт 42 выше и, *mutatis mutandis*, постановление по делу Аманн против Швейцарии [GC], жалоба №27798/95, пп.65-67, ECHR 2000-II; постановление по делу Ротару против Румынии [GC], жалоба №28341/95, пп.43-44, ECHR 2000-V; вышеупомянутое постановление по делу П.Г. и Дж.Х., пп.57-60, ECHR 2001-IX; а также вышеупомянутое постановление по делу Пекк, пп. 59-63 и п.78). То же относится и к занятию систематической съемкой специфических фотографий и распространению их среди широкого круга населения.

71. Наконец, Суд еще раз напоминает, что Конвенция призвана гарантировать не те права, которые носят теоретический или иллюзорный характер, а права практические и действенные (см. постановление по делу Артико против Италии от 13 мая 1980 г., Серия А, т.37, стр.15-16, п.33).

72. Суд не может согласиться с толкованием внутренними судами статьи 23(1) Закона об авторском праве, заключающемся в отнесении лица к категории знаменитости. Поскольку данное определение предоставляет таким лицам очень ограниченную защиту их частной жизни и права на контроль за использованием собственного изображения, оно может, по-видимому, быть уместным в отношении политических деятелей, выполняющих официальные функции. Однако невозможно оправдать применение его по отношению к «частному» лицу, такому как заявительница, в случае которой интерес общественности и прессы базируется исключительно на принадлежности ее к королевской семье, тогда как сама она не исполняет каких-либо общественных обязанностей.

В любом случае, Суд полагает, что в данных условиях Закон необходимо толковать в узком смысле, с тем чтобы обеспечить соблюдение государством его положительного обязательства по Конвенции — защищать частную жизнь и право на контроль за использованием собственного изображения.

73. Наконец, разграничение, проводимое между знаменитостями и «относительными» публичными фигурами, должно быть четким и очевидным, чтобы в государстве, основывающемся на принципе верховенства права, у частных лиц было четкое понимание того, как они должны вести себя в той или иной ситуации. Более того, они должны точно знать, где и когда они находятся в защищенной сфере, и где и когда — в сфере, где они должны быть готовы к вмешательству со стороны других лиц, и в особенности — со стороны желтой прессы.

74. Вследствие этого, Суд считает критерии, которыми руководствовались при принятии своих решений внутренние суды, недостаточными для обеспечения действенной защиты частной жизни

заявительницы. Как знаменитость, она не может, во имя свободы печати и общественного интереса, полагаться на защиту своей частной жизни, если только она не находится в уединенном месте вдали от взоров публики и, сверх того, в состоянии это доказать (что может оказаться сложной задачей). В противном случае, она должна мириться как с тем, что ее могут фотографировать практически в любой момент, в том числе на систематической основе, так и с последующим широким распространением этих фотографий даже тогда, когда, как в рассматриваемом случае, фотографии и сопроводительные статьи касаются исключительно подробностей ее частной жизни.

75. С точки зрения Суда, критерий пространственной изоляции хотя и представляется уместным в теории, оказывается на практике весьма расплывчатым и неясным; к тому же, соответствующему лицу почти невозможно применить его заблаговременно. В настоящем деле одного лишь факта отнесения заявительницы к категории знаменитости недостаточно для того, чтобы оправдать вмешательство в ее частную жизнь.

d. Заключение

76. Как указал ранее Суд, он полагает, что решающим фактором при сопоставлении защиты частной жизни со свободой выражения должен являться вклад, который опубликованные фотографии и статьи вносят в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес. Ясно, что в настоящем деле таковой вклад равен нулю, так как заявительница не исполняет официальных функций, а фотографии и статьи посвящены исключительно подробностям ее частной жизни.

77. Более того, Суд считает, что у общественности нет правомерного интереса в получении информации о том, где находится заявительница и как она обычно ведет себя в частной жизни, даже если она появляется в местах, которые не всегда могут быть названы уединенными, и, невзирая на то обстоятельство, что она широко известна общественности.

Даже если такой общественный интерес и существует, как существует коммерческий интерес журналов в опубликовании этих фотографий и статей, в настоящем деле эти интересы должны, с точки зрения Суда, уступить перед правом заявительницы на действенную защиту ее частной жизни.

78. Наконец, Суд считает критерии, которыми руководствовались внутренние суды, недостаточными для обеспечения действенной защиты частной жизни заявительницы, и полагает, что при данных обстоятельствах она была «вправе ожидать» защиты своей частной жизни.

79. Принимая во внимание все вышеизложенные факторы, и, невзирая на свободу усмотрения, предоставленную государству в этой области, Суд полагает, что германским судам не удалось установить справедливого баланса между соперничающими интересами.

80. Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

81. Принимая во внимание данный вывод, Суд не считает нужным выносить решения по пункту жалобы заявительницы, касающемуся ее права на уважение ее семейной жизни.

II.О применимости статьи 41 Конвенции

82. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

83. Заявительница потребовала 50 000 евро в качестве возмещения за моральный вред, на том основании, что решения германских судов не позволили ей вести нормальную жизнь со своими детьми из-за постоянных преследований со стороны средств массовой информации. Она также потребовала 142851,31 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных ею в ходе многочисленных судебных процессов, которые она вынуждена была возбудить в германских судах.

84. Правительство оспаривало размер востребованных сумм. В отношении морального вреда оно повторило, что по германскому законодательству заявительница пользуется защитой своей частной жизни только за пределами ее жилища, особенно если дело касается ее детей. В отношении же судебных издержек и расходов оно утверждало, что в рассмотрение могут приниматься отнюдь не все судебные процессы, что стоимость частей предмета спора меньше, чем запрошенная сумма, и что востребованные суммы оплаты адвокатских услуг, ввиду их чрезмерного размера, не могут быть возмещены.

85. Суд считает, что вопрос применимости статьи 41 не готов для разрешения. Соответственно, его рассмотрение откладывается, а последующее рассмотрение возобновляется с учетом любого достигнутого между Правительством и заявительницей соглашения.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

2. Постановил, что вопрос о применимости статьи 41 не готов для разрешения; и соответственно,

(a) отложил рассмотрение указанного вопроса целиком;

(b) предложил Правительству и заявительнице в течение шести месяцев со дня, когда постановление становится окончательным в соответствии с п. 2 статьи 44 Конвенции, представить свои письменные замечания по данному вопросу и, в частности, уведомить Суд о любом достигнутом ими соглашении;

(c) отложил дальнейшее рассмотрение и уполномочил Председателя Палаты возобновить его, если в том возникнет необходимость.

Совершено на французском языке и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 июня 2004 г.

Иренеу Кабрал БАРРЕТО, Председатель; Винсент БЕРГЕР, Секретарь

В соответствии со статьей 45 п. 2 Конвенции и правилом 74 п. 2 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) совпадающее мнение г-на Кабрал Баррето;

(b) совпадающее мнение г-на Зупанчича.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ Г-НА КАБРАЛ БАРРЕТО

Я придерживаюсь мнения, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции, но не могу согласиться со всеми доводами большинства.

1. Мои коллеги указывают в своих выводах, что «решающим фактором при сопоставлении защиты частной жизни со свободой выражения должен являться вклад, который опубликованные фотографии и статьи вносят в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес» и «у общественности нет правомерного интереса в получении информации о том, где находится заявительница и как она обычно ведет себя в частной жизни, даже если она появляется в местах, которые не всегда могут быть названы уединенными, и, невзирая на то обстоятельство, что она широко известна общественности».

По мнению большинства, публикация фотографий и статей, о которых идет речь, не была таким вкладом в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес, поскольку заявительница не исполняла официальных функций, а опубликованные фотографии и сопроводительные комментарии касались исключительно подробностей ее частной жизни.

С моей точки зрения, однако, заявительница является публичной фигурой, и общественность имеет право на получение информации о ее жизни.

Решение, таким образом, должно быть найдено в установлении справедливого баланса между правом заявительницы на частную жизнь и правом общественности на получение информации.

2. Заявительница является публичной фигурой, даже если она не исполняет никаких функций ни в самом государстве Монако или каком-либо из его учреждений, ни по их поручению.

Публичными фигурами являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области — пункт 7 Резолюции 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни (см. пункт 42 постановления).

Общеизвестно, что на протяжении уже многих лет заявительница играет важную роль в европейской общественной жизни, хотя и не выполняет каких-либо официальных функций в своей собственной стране.

Чтобы оценить уровень общественного интереса к ее персоне, достаточно взглянуть на то, сколько места средства массовой информации отводят репортажам о ее общественной и частной жизни.

Совсем недавно пресса обратила внимание на то, что по прибытии на церемонию бракосочетания Фелипе, наследного принца Испании, заявительница оказалась в числе тех немногих представителей европейского и мирового бомонда, которым публика устроила настоящую овацию.

Заявительница, с моей точки зрения, является публичной фигурой, и информация о ее жизни вносит вклад в обсуждение общественно-значимых вопросов.

Общий интерес не следует ограничивать рамками политической дискуссии. Как указала Парламентская Ассамблея, «определенные факты из частной жизни публичных, и в частности политических деятелей, конечно же, могут представлять интерес для граждан».

Если это верно в отношении политических деятелей, то верно и в отношении всех других публичных фигур, к которым общественность проявляет интерес.

Следовательно, необходимо найти баланс между двумя фундаментальными правами: правом публичных фигур на уважение их частной жизни и правом каждого на свободу выражения, включающему в себя право общественности на получение информации.

Я согласен с большинством, что частная жизнь публичных фигур не прекращается за порогом их жилища.

В то же время, следует признать, что ввиду их славы, жизнь публичных фигур за пределами их жилища, и особенно в общественных местах, неизбежно подвергается определенным ограничениям.

Слава и общественный интерес неминуемо вызывают различное отношение к частной жизни обычных людей и частной жизни публичных фигур.

Как указал Федеральный конституционный суд, «общественность имеет правомерный интерес в том, чтобы ей позволили судить, в достаточной ли степени личное поведение этих людей, которые часто играют роль идолов или моделей для подражания, согласуется с их поведением на официальных мероприятиях».

По общему признанию, установление границ частной жизни публичной фигуры является весьма непростой задачей.

Более того, строгий критерий может привести к решениям, не соответствующим «природе вещей».

Ясно, что если лицо находится в уединенном месте, то всё, что там происходит, должно подпадать под защиту частной жизни.

Однако мне кажется, что примененный германскими судами критерий пространственной изоляции носит слишком ограничительный характер.

С моей точки зрения, всякий раз, когда публичная фигура «вправе ожидать» защищенности от средств массовой информации, его право на частную жизнь берет верх над правом на свободу выражения и правом на получение информации.

Никогда не удастся легко определить в конкретных терминах ситуации, соответствующие этому «правомерному ожиданию», и потому обоснованным представляется подход, основанный на тщательном анализе обстоятельств дела в каждом конкретном случае.

Этот «казуистический» подход также может вести к различиям во мнениях.

Большинство придает значение, например, тому факту, что фотографии в пляжном клубе Монте-Карло были сняты тайно.

Я не ставлю под сомнение необходимость учитывать тот факт, что фотографии были сделаны с большого расстояния, особенно если лицо находилось там, где оно вправе было считать себя огражденным от взоров публики.

Однако бассейн пляжного клуба — открытое место, куда имеет доступ публика, к тому же, он хорошо просматривается из соседних зданий.

Правомерно ли ожидать в таком месте защищенности от взоров публики и внимания со стороны СМИ?

Я так не думаю.

Я полагаю, что тот же самый критерий применим и к снимкам, где заявительница сфотографирована в других ситуациях из ее повседневной жизни, когда она никак не могла ожидать защиты своей личной жизни.

Я имею в виду фотографии посещения ею магазинов.

Однако другие фотографии — те, например, на которых заявительница сидит верхом на лошади и играет в теннис — сняты в таких местах и при таких обстоятельствах, которые требуют прямо противоположного подхода.

Поэтому, признавая ограничения процедуры уравнивания (указываю в этой связи на мнение судьи Зупанчича), я принял решение об имевшем место нарушении статьи 8 Конвенции.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ Г-НА ЗУПАНЧИЧА

Я присоединяюсь к колебаниям, которые озвучил мой коллега, судья Кабрал Баррето. И хотя я считаю различия между разными уровнями допустимой открытости, как они определяются германской правовой системой, слишком схожими с юриспруденцией понятия, я, тем не менее, полагаю, что необходимо должным образом осуществлять процедуру уравнивания права общественности на получение информации, с одной стороны, и права соответствующего лица на неприкосновенность личной жизни, с другой стороны. Тот, кто по собственной воле выходит на публичную арену, не вправе притязать на статус частного лица, имеющего право на анонимность. Члены королевской семьи, актеры, ученые, политики и т.д. ведут свою деятельность публично. Они могут и не стремиться к известности, но даже в таком случае, по определению, их изображения являются до некоторой степени общественным достоянием.

Здесь я намерен сосредоточить внимание не столько на праве общественности на получение информации — оно применимо в первую очередь к вопросу о свободе печати и конституционной доктрине относительно последней — сколько на том простом факте, что невозможно отделить железным занавесом частную жизнь человека от его поведения на публике. Существование в режиме абсолютного *incognito* — привилегия одного Робинзона; что же касается до остальных людей, то все мы вызываем больший или меньший интерес у других людей.

Неприкосновенность личной жизни, с другой стороны — это право на то, чтобы человека оставили в покое. Человек обладает этим правом ровно в той степени, в какой его частная жизнь не пересекается с частной жизнью других лиц. Со своей стороны, такие правовые понятия, как клевета, диффамация, пасквиль и т.д. подтверждают это право и ограничивают вмешательство в него со стороны других людей. Доктрина германского частного права (*Personlichkeitsrecht*) составляет более широкий концентрический круг защищенной личной жизни. Более того, я полагаю, что под

американским влиянием суды в некотором роде сделали фетиш из свободы печати. Доктрина германского частного права обеспечивает более высокий уровень цивилизованного межличностного общения.

Настало время, чтобы маятник качнулся в сторону нового равновесия между тем, что является частным и уединенным, и тем, что является общественным и незащищенным.

Вопрос заключается в том, как определить и установить этот баланс. Я согласен с исходом данного дела. Однако мне хотелось бы предложить иной определяющий критерий, а именно тот, который мы употребили в деле Халфорд против Соединенного Королевства, постановление Суда от 25/06/1997, Reports 1997-III, где говорится о «правомерном ожидании неприкосновенности личной жизни».

Рамки уголовного судопроизводства и использование доказательств, полученных в нарушение правомерного ожидания неприкосновенности личной жизни в деле Халфорд, не мешают нам применять тот же самый критерий в делах, подобных тому, который является сейчас предметом нашего разбирательства.

Дилемма относительно того, считать ли заявительницу в настоящем деле публичной фигурой или нет, перестает существовать; предложенный критерий правомерного ожидания неприкосновенности личной жизни дает возможность подходить к каждому новому делу с учетом всех его нюансов. Возможно, именно это и имеет в виду судья Кабрал Баррето, когда указывает на развивающееся прецедентное право в отношении процедуры уравнивания права общественности на получение информации и права частного лица на защиту личной жизни.

Конечно же, необходимо избежать здесь ошибочных умозаключений. «Правомерность» ожидания неприкосновенности личной жизни можно свести к вышеупомянутой процедуре уравнивания. Но правомерность — также и намек на просвещенный здравый смысл, который говорит нам, что живущие в стеклянном доме могут и не иметь права бросать камни.